„Пров 49“, 6(

КТО ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ?

(НАРОДНОЕ ИЗДАНІЕ)

1893

„Пров 38“

„Пров 49“66

224525

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Настоящимъ выпускомъ Фондъ Р. В. Прессы открываетъ новую отрасль своей дѣятельности. Читатель впервые встрѣчаетъ на обложкѣ нашей брошюры слова: «Народное Изданіе», а загляувъ внутрь, онъ увидитъ, что и шрифтъ ея приноровленъ къ требованіямъ публики, для которой чтеніе не составляетъ повседневнаго занятія. Тѣмъ же стремленіемъ приноровиться къ надобностямъ читателя-фабричнаго, читателя-рабочаго объясняются и нѣкоторыя измѣненія въ текстѣ, допущенныя въ нашемъ изданіи сравнительно съ первымъ русскимъ изданіемъ брошюры Дикштейна, выпущеннымъ въ 1885 г. группой «Освобожденія Труда».

Какъ извѣстно, «Кто чѣмъ живетъ» написано въ оригиналѣ по польски, для польскихъ рабочихъ. Можетъ быть польскіе фабричные и ремесленники и знаютъ книгу Смайльза, отрицательною ссылкой на которую начинаетъ авторъ свое изложеніе ученія К. Маркса о прибавочной стоимости и къ которой возвращается 2—3 раза впослѣдствіи. Но мож-

но сказать навѣрное, что русскимъ рабочимъ книга эта совершенно неизвѣстна и что упоминаніе о ней только привело бы читателей этого рода въ недоумѣніе. Вотъ почему мы сочли лучшимъ выбросить какъ эти упоминанія, такъ и вступительныя слова Дикштейна о Смайльзѣ. Не воспользовались мы и предисловіемъ Г. В. Плеханова. Прекрасное само по себѣ, оно трактуетъ о предметѣ, имѣющемъ съ содержаніемъ брошюры лишь косвенную и внѣшнюю связь. По нашему мнѣнію мысли положенныя въ основаніе этого предисловія слѣдовало бы развить въ особой брошюрѣ.

Едва ли надо пояснять, что «Кто чѣмъ живетъ» является лишь началомъ цѣлой серіи изданій для народа, которую мы намѣрены вести параллельно съ изданіями для интеллигенціи, насколько позволятъ средства. Мы намѣрены касаться въ этой серіи какъ экономическихъ такъ и политическихъ вопросовъ, не пренебрегая и беллетристикой.

КТО ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ?

—

I.

«Каждый человѣкъ живетъ своимъ трудомъ». Такъ ли это?

На первый взглядъ это кажется дѣйствительно такъ. Посмотрите лишь сколько объ этомъ писалось и говорилось въ газетахъ, въ журналахъ, въ книгахъ и даже въ церковныхъ проповѣдяхъ. При томъ развѣ не кажется многимъ, что дѣйствительно сапожникъ живетъ своимъ сапожническимъ трудомъ, портной — портняжнымъ, учитель — учительскимъ, что каждый фабрикантъ тоже работаетъ, если не руками, то головой; а министры, короли и цари, развѣ они не обременяютъ себя работой, подписывая различныя бумаги?

Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Каждый ли человѣкъ живетъ своимъ трудомъ?

Вы удивитесь, пожалуй, когда я скажу, что ни одинъ человѣкъ не живетъ собственнымъ своимъ трудомъ, и не одни только ца-

ри и министры, не только фабриканты и купцы, но и весь рабочій народъ.

Если бы, напримѣръ, сапожникъ не только шилъ сапоги, но и имѣлъ бы клочекъ земли, на которомъ сѣялъ бы хлѣбъ, садилъ бы овощи, если бы онъ самъ прялъ, ткалъ и шилъ себѣ одежду, если бы однимъ словомъ все, что ему необходимо, онъ вырабатывалъ бы дома, у себя, тогда только мы могли бы сказать, что дѣйствительно онъ живетъ своимъ трудомъ.

И дѣйствительно, въ прежнія времена, нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, когда каждый городъ имѣлъ достаточно своей земли, а каждый ремесленникъ, какъ обыватель города, имѣлъ право на эту землю, тогда ремесленники заготовляли все необходимое у себя, на своемъ клочкѣ земли и жили своимъ собственнымъ трудомъ.

Но теперь, какъ извѣстно, это не такъ. У ремесленника нѣтъ своей земли и сапожникъ, напримѣръ, только и можетъ шить сапоги и ничего болѣе. А сапогами не наѣшься, ими не одѣнешься. Тоже можно сказать и о портномъ, о столярѣ, о каменьщикѣ и т. д. Портной не можетъ ни ѣсть ни пить своихъ сюртуковъ, каменьщикъ не ѣстъ за обѣдомъ своихъ камней. А что сказать о царяхъ, министрахъ и тому подобныхъ людяхъ? Они не только на себя работать не умѣютъ, но и ѣсть сами не могутъ—все подноси имъ ко рту.

Кто еще скорѣе могъ бы сказать у насъ, что живетъ своимъ трудомъ —такъ это крестьянинъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, самъ производитъ у себя дома хлѣбъ, молоко, овощи, иногда даже одежду, хотя за послѣднее время все рѣже и рѣже, такъ какъ платье на базарѣ и красивѣе и форсистѣе.

А въ иныхъ странахъ даже и крестьяне не выдѣлываютъ у себя дома почти ничего изъ того, что имъ нужно для ихъ же собственнаго ежедневнаго обихода. Одни изъ нихъ приготовляютъ только вино, другіе сѣютъ только ленъ, третьи разводятъ толко овощи и т. д., а все необходимое какъ изъ пищи, такъ и изъ одежды покупаютъ на рынкѣ.

И такъ вы видите, что никто, или почти никто, не въ правѣ сказать, что живетъ собственнымъ трудомъ: сапожникъ живетъ трудомъ портнаго, каменьщика, столяра, крестьянина; портной — трудомъ сапожника, столяра, каменьщика и т. д. Всѣ люди живутъ не своимъ трудомъ, а — чужимъ, трудомъ другихъ людей.

— Но вѣдь каждый изъ нихъ работаетъ, отвѣтите вы, каждый изъ нихъ ничего не имѣлъ бы, если бы не работалъ.

Это вѣрно; потому то мы и не скажемъ, что всѣ люди живутъ собственнымъ трудомъ, но что они собственнымъ трудомъ содержатъ себя.

— Да развѣ не все равно жить своимъ трудомъ и содержать себя имъ?

Нѣтъ не все равно, и вотъ почему. Если бы сапожникъ, портной, земледѣлецъ и всѣ прочіе люди дѣйствительно жили своимъ трудомъ, если бы, какъ это было прежде, они заготовляли все необходимое у себя на дому, то каждый изъ нихъ могъ бы быть увѣренъ, что хотя положеніе его не всегда будетъ одинаково, но съ голоду онъ не умретъ и какъ нибудь да вывернется.

Теперь же сапожникъ шьетъ только сапоги, онъ заготовляетъ ихъ столько, сколько можетъ, чтобы потомъ продать, какъ всякій иной товаръ. Если найдется купецъ — хорошо; сапожникъ продастъ сапоги и на вырученныя деньги купитъ себѣ все необходимое. А если не продастъ! Что тогда? Развѣ накормитъ онъ дѣтей своими сапогами? Развѣ заплатитъ онъ ими подати, развѣ возвратитъ долгъ свой ростовщику или банкиру и т. п.?

Теперь вы видите, что с о д е р ж а т ь с е б я собственнымъ трудомъ и ж и т ь собственнымъ трудомъ не одно и тоже.

Пока люди приготовляли все нужное у себя дома, пока они мало продавали своихъ товаровъ, до тѣхъ поръ можно было сказать, что они живутъ своимъ трудомъ; но съ того времени, какъ люди стали выдѣлывать сапоги, замки, одежду и т. п. на продажу, они ста-

ли меньше работать дома на себя, а больше на другихъ. И вотъ теперь варшавскій сапожникъ сталъ шить сапоги для русскаго ремесленника; русскій ткачъ сталъ работать надъ станкомъ для варшавскаго сапожника; американскій колонистъ — запасается хлѣбомъ для англійскихъ рабочихъ, англійскіе же рабочіе стали снабжать желѣзными и стальными издѣліями варшавскихъ работниковъ.

Слѣдовательно, съ того времени, какъ установилось производство на сбытъ, на продажу — никто не работаетъ на себя, но всѣ работаютъ на другихъ, никто не живетъ собственнымъ трудомъ, но трудомъ чужихъ, трудомъ другихъ людей.

II.

— Хорошо. Никто, значитъ, не живетъ, а всѣ только содержатъ себя своимъ трудомъ; это ужъ должно быть несомнѣнная правда!

Ну и это еще не совсѣмъ правда. Много еще можно было бы прибавить къ этому. Но пока, положимъ, что есть большая доля правды въ томъ, что каждый содержитъ себя собственнымъ трудомъ.

Но почему же именно т р у д о м ъ? Потому что когда кто нибудь продаетъ свое издѣліе, будь это сапоги или платье, посуда или ножи, то его товаръ цѣнится по труду и пла-

тятъ ему сообразно съ трудомъ. Пояснимъ это подробнѣе. Положимъ, что сапожникъ работалъ надъ сапогами цѣлый день, получилъ за нихъ 10 аршинъ полотна. Въ предположеніи этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго: работалъ, а за то получилъ полотно. Но представьте себѣ на минуту, что есть на свѣтѣ такая счастливая страна, гдѣ сапоги падаютъ съ неба. Такой страны нѣтъ, но еслибы и была, то какъ вы думаете, много ли въ ней платили бы сапожнику за сапоги?

Конечно — ничего. Люди говорили бы, что за сапоги ничего не нужно платить, что не стоятъ они труда и что, слѣдовательно, каждый можетъ ихъ имѣть; нашъ сапожникъ, чтобы не умереть съ голоду, долженъ былъ бы взяться за иную работу.

Хотя у насъ сапоги на деревьяхъ и не ростутъ, но есть много такихъ вещей, за которыя ничего нельзя получить, которыя ничего не стоятъ, потому только, что на нихъ вовсе не пошло труда. Ни за воду изъ источника, ни за песокъ въ рѣкѣ никто ничего не платитъ, потому что не нужно тратить труда на то, чтобы ихъ добыть, потому что они были готовы раньше, чѣмъ человѣческій трудъ былъ къ нимъ приложенъ.

Но за то, чѣмъ больше вещь заключаетъ въ себѣ человѣческаго труда, тѣмъ больше, какъ говорятъ, она содержитъ въ себѣ стои-

мости, тѣмъ больше за нее дадутъ. За аршинъ полотна дадутъ больше, чѣмъ за аршинъ коленкору. Почему? Потому что аршинъ коленкору скорѣе и легче сработать, потому что въ него надо вложить меньше труда, чѣмъ въ аршинъ полотна. Золотая цѣпочка дороже стальной. Почему? Потому ли, что золото лучше блеститъ, потому ли, что оно тяжеле? Нѣтъ, стальная цѣпочка можетъ блестѣть и вѣсить столько же, сколько и золотая, но золото трудно достается: необходимо много труда, очень много, чтобы его достать изъ земли и слѣдовательно въ золотой цѣпочкѣ заключается больше труда, чѣмъ въ стальной.

Поэтому-то, когда ремесленнику, сапожнику, портному или пекарю, платятъ за сапоги, сюртукъ или хлѣбъ, то въ дѣйствительности имъ платятъ за трудъ, который заключается въ этихъ сапогахъ, этомъ сюртукѣ, этомъ хлѣбѣ. Если для приготовленія булки потребуется 1 часъ времени, а для того, чтобы сшить пару тапогъ 10 часовъ, то за пару сапогъ можно получить 10 булокъ, ибо трудъ заключаемый въ сапогахъ (или, какъ говорятъ, стоимость сапогъ) въ 10 разъ больше труда, заключеннаго въ хлѣбѣ (или стоимости хлба *).

---

*) Если бы васъ спросили, какова стоимость стакана, сапоговъ, платья, то вы бы могли отвѣтить, что стоимость ихъ есть трудъ, вложенный или заключенный въ этомъ стаканѣ, сапогахъ, платьѣ.

Если за аршинъ сукна платятъ серебряный рубль, то это потому, что на выработку сукна (т. е. на уходъ за овцами, на стрижку шерсти, на окраску сукна) потребуется столько же труда, сколько и на выдѣлку одиаго серебряннаго рубля (на отысканіе серебра, на его привозъ, переплавку и т. д.), напримѣръ 10 часовъ. За аршинъ коленкора платимъ толко гривенникъ, потому что на выработку его (на посѣвъ хлопка, на ткапье, на краску) пошло не 10 часовъ, а всего лишь 1 часъ.

Вотъ почему можно говорить и писать, что сапожникъ, портной, столяръ, слесарь, вообще работникъ содержитъ себя своимъ трудомъ. Всѣ они заготовляютъ различныя вещи; вещи эти, какъ товаръ, доставляются на продажу и за нихъ платятъ какъ разъ столько, сколько заключается въ нихъ труда. И такъ, слѣдовательно, чѣмъ больше какой нибудь ремесленникъ работаетъ, чѣмъ больше онъ влагаетъ труда въ товаръ, тѣмъ больше онъ вкладываетъ своимъ трудомъ въ него стоимости, тѣмъ больше онъ получитъ при продажѣ, тѣмъ лучше ему заплатятъ за товаръ *).

— Вотъ видите ли — могутъ сказать мнѣ теперь. Вы взялись-было сказать что то такое, что фабриканты и наниматели утаиваютъ отъ

---

*) См. приложеніе.

насъ, а теперь сами говорите тоже, что и они, а именно: кто больше работаетъ, тотъ больше и получаетъ.

Но подождите, не спѣшите съ упреками, а выслушайте меня. Выше я сказалъ, что чѣмъ больше ремесленникъ вкладываетъ труда въ товаръ, тѣмъ больше онъ за него получаетъ. Сапожникъ за сапоги съ двойными подошвами, хорошо сработанные, получитъ больше чѣмъ за сапоги дурно сшитые. Все это вѣрно. Но чтобы нашъ сапожникъ могъ шить сапоги, ему нужна кожа, орудія, мастерская, а все это стоитъ денегъ. Слесарь, если хочетъ заготовлять замки, также долженъ нанять мастерскую, купить инструменты, жить извѣстное время, пока не продастъ своихъ замковъ. А на это опять нужны деньги. У кого есть деньги, тому ничего: устроитъ мастерскую, будетъ изготовлять товары, а потомъ будетъ ихъ продавать сообразно съ ихъ стоимостію, т. е. сообразно съ трудомъ въ нихъ вложеннымъ. Но какъ быть тому, у кого нѣтъ денегъ, кто не можетъ открыть мастерской, кто не можетъ производить никакихъ товаровъ, не имѣя для этого ни матерьяла, ни орудій? Что дѣлать человѣку, который — какъ это часто бываетъ — не имѣетъ и не можетъ имѣть ни отъ кого помощи, а между тѣмъ долженъ, какъ и другіе жить, ѣсть, пить, одѣваться? Въ настоящее время, чтобы что нибудь купить на

рынкѣ, пищу ли, одежду ли, необходимо имѣть либо деньги, либо товаръ на продажу. У нашего работника денегъ нѣтъ, товаровъ имѣть онъ не можетъ, слѣдовательно,—чтобы ѣсть, онъ долженъ продавать себя, долженъ стать наемникомъ, невольникомъ, долженъ наниматься на работу къ другимъ.

— Какъ это такъ—«продать себя», сдѣлаться «невольникомъ»? Вѣдь работа на фабрикѣ, работа у мастера еще не—неволя. Какъ мастеровой такъ и фабричный рабочій — народъ вольный, работаетъ, у кого хочетъ и сколько хочетъ, и никто не имѣетъ права ему приказывать.

Знаемъ мы эту свободу! Знаемъ, какъ мастеръ помыкаетъ мастеровыми, знаемъ, какъ на фабрикахъ тысячи рабочихъ должны кланяться и унижаться передъ всякимъ послѣднимъ писаремъ! Развѣ смѣютъ они громко заявить о своихъ правахъ, отвѣтить на грубость грубостію? Развѣ они смѣютъ возразить что нибудь фабриканту, когда тотъ понижаетъ плату или урѣзываетъ отъ недѣльнаго заработка? Нѣтъ, не смѣютъ, потому что они невольники и знаютъ, что если фабрикантъ не стоитъ за ними съ кнутомъ, то стоитъ за ними голодъ, который страшнѣе кнута.

Человѣкъ, который продаетъ свой трудъ не можетъ быть свободенъ: онъ долженъ

имѣть господина и дѣйствительно имѣетъ его. Свободны только люди, которымъ нѣтъ надобности продавать себя. А такой свободы трудно теперь добиться. Работникъ идетъ на фабрику, потому что долженъ идти, такъ какъ не имѣетъ собственнаго матерьяла и орудій, онъ повинуется фабриканту, потому что не можетъ не повиноваться, потому что у фабриканта есть два сильныхъ помощника: во-первыхъ, правительство и войско, а во-вторыхъ голодъ, который угрожаетъ рабочему въ случаѣ безработицы. Трудно вести борьбу съ такими врагами, еще труднѣе побѣдить ихъ; впрочемъ правда и то, что работники у насъ до сихъ поръ почти и не пробовали бороться.

III.

— Невольникъ или не невольникъ—это въ сущности все равно, возразите вы мнѣ. Дѣло не въ томъ, кто—невольникъ, кто—человѣкъ свободный, а въ томъ, правда ли, что каждый можетъ собственнымъ трудомъ пріобрѣсти себѣ богатство? И опять я скажу вамъ—не торопитесь, дойдемъ и до этого, надо же все разобрать, какъ слѣдуетъ.

Всякій работникъ, будь онъ слесарь, столяръ, портной или сапожникъ, идетъ продавать себя, если не имѣетъ ни денегъ, ни орудій, ни мастерской для работы на дому. Ра-

но или поздно, онъ находитъ, наконецъ, фабриканта или мастера, который его покупаетъ.

Почему же онъ его покупаетъ? Потому ли, что ему понравилась наружность рабочаго? Нѣтъ. Потому ли, что онъ сжалился надъ нимъ и хочетъ помочь ему въ бѣдѣ? Опять таки нѣтъ. Покупаетъ онъ его, зная, что работникъ умѣетъ и можетъ управлять станкомъ, ковать молотомъ, точать подошвы, однимъ словомъ потому, что онъ имѣетъ рабочую силу.

Покупая его, мастеръ или фабрикантъ думаетъ единственно о силѣ и умѣньи работника. Не будь у него этой силы, фабрикантъ не взялъ бы его даромъ. Ему нужна только рабочая сила. Весь вопросъ для него въ томъ, сколько заплатить за эту силу; въ этомъ вся задача. Не трудно понять, сколько надо заплатить за стаканъ, за корзину, за пару сапогъ и т. д. Опредѣляется это по просту количествомъ часовъ труда, потраченнаго на выдѣлку этихъ вещей. Допустимъ, что на приготовленіе стакана потрачено $^1/_2$ часа труда, на изготовленіе пары сапогъ — 20 часовъ, на изготовленіе тарелки — 1 часъ. Допустимъ далѣе, что у насъ обыкновенно за часъ работы платятъ 10 копѣекъ (потому что въ серебрянномъ гривенникѣ тоже 1 часъ труда). Не трудно теперь найти, что стоитъ стаканъ. Если на него пошло пол-часа труда, то

значитъ онъ стоитъ половину гривенника или 5 копѣекъ. Если на сапоги пошло 20 часовъ, то стоятъ они 20 гривенниковъ или 2 руб., если на тарелку употреблено 1 часъ, то она стоитъ гривенникъ.

Но какъ опредѣлить, сколько стоитъ человѣкъ, сколько заплатить за его силу. Да и хорошо ли оцѣнивать человѣка какъ товаръ?

Хорошо ли, или нехорошо — это другой вопросъ; но такъ теперь дѣлается; сила человѣка оцѣнивается какъ товаръ. Допустимъ же, что рабочій, т. е. его рабочая сила покупается на одинъ день. Допустимъ далѣе, что этотъ работникъ, чтобы жить и работать, чтобы поддерживать свою рабочую силу, долженъ получать ежедневно 60 коп., которыя онъ затрачиваетъ (на ѣду, одежду, жилище и т. д.), чтобы возстановить вновь свои силы; въ такомъ случаѣ мы можемъ сказать, что рабочая сила стоитъ 60 копѣекъ или 6 часовъ труда *) (если гривенникъ имѣетъ туже стоимость, что и 1 часъ труда).

Фабрикантъ отлично знаетъ, что рабочая сила стоитъ 6 часовъ труда, т. е. столько сколько стоитъ 6 тарелокъ, или 12 стакановъ, и платитъ поэтому своему работнику

---

*) Нужно помнить, что стоимость рабочей силы равняется столькимъ часамъ работы, сколько требуется на поддержаніе жизни рабочаго.

за его силу, какъ за товаръ, стоющій 60 копѣекъ.

И такъ работникъ всегда получаетъ за свою рабочую силу столько, сколько ему необходимо нужно на его скудное содержаніе.

Теперь еще разъ вернемся къ нашему вопросу: зачѣмъ фабрикантъ покупаетъ рабочую силу? Зачѣмъ продаетъ ее работникъ— это понятно: къ этому вынуждаетъ его голодъ, который сильнѣе врожденнаго каждому человѣку чувства свободы, сильнѣе стыда.

И такъ, зачѣмъ же фабрикантъ покупаетъ рабочую силу? Для забавы? Нѣтъ. — Такъ зачѣмъ же? Затѣмъ, чтобы получить прибыль, затѣмъ, чтобы обогатиться «собственнымъ трудомъ», какъ онъ самъ любитъ выражаться.

Выяснимъ себѣ это на примѣрѣ. Допустимъ, что кто нибудь открылъ хлопчатобумажную фабрику. Положимъ, что хлопка куплено на 1400 рублей, машинъ на 80 руб., газу и всего прочаго израсходовано на 24 руб., и что фабрика пущена въ ходъ. Какъ вы думаете, почему фабрикантъ открылъ фабрику? Очевидно потому, что желаетъ продать пряжу дороже, нежели заплатилъ за хлопчатую бумагу, машины и проч., очевидно, когда онъ получитъ изъ хлопчатой бумаги пряжу, то не продастъ ее за 1504 рубля, но захочетъ

получить, положимъ, 2000 руб. *) Но желать — еще недостаточно, надо дѣйствительно получить 2000 руб., а получитъ ли онъ ихъ— это еще вопросъ. Если бы могло совершиться такое чудо, что машины пряли бы хлопчатую бумагу безъ помощи работниковъ и если бы нашъ фабрикантъ принесъ свою пряжу купцу и тогда пожелалъ бы получить 2000 руб.; то купецъ отвѣтилъ бы ему попросту такъ: въ твоей пряжѣ есть во-первыхъ стоимость хлопчатой бумаги, т. е. 1400 руб., затѣмъ стоимость машинъ или 80 руб., и затѣмъ стоимость угля, газа и проч. или 24 руб., всего вмѣстѣ стоимости на 1504 рубля, ни больше ни меньше, и ни гроша сверхъ того я тебѣ не дамъ.

Не знаемъ, понравился ли бы фабриканту такой отвѣтъ. Знаемъ только, что до сихъ поръ машины сами работать не могутъ и что къ счастью для фабрикантовъ, при машинахъ долженъ работать человѣкъ. Понимая это, фабрикантъ нанимаетъ, положимъ, 100 рабочихъ и платитъ имъ за рабочую силу, какъ за товаръ, по 60 коп. въ день.

Работникъ, нанятый за 60 коп. въ день, очищаетъ хлопчатую бумагу, прядетъ, дѣла-

---

*) 1,504 руб. есть общая сумма его издержекъ въ этомъ примѣрѣ. 1,400 руб. стоитъ хлопокъ, 80 руб. машины, 24 руб. газъ и прочее, итого—1,504.

етъ мотки и т. п., однимъ словомъ, работаетъ, вкладывая въ хлопчатую бумагу свой трудъ.

Послѣ 1-го часа онъ вложитъ только одинъ часъ труда или повыситъ ея стоимость на 10 коп. (если часъ труда стоитъ 10 коп.), послѣ 2-хъ часовъ, вкладывая часъ труда, онъ возвышаетъ ея стоимость на 20 коп., послѣ 3-хъ часовъ онъ вложитъ 3 часа или повыситъ всю стоимость на 30 коп. и т. д., наконецъ, послѣ 6 часовъ труда, стоимость повысится на 60 коп., точь въ точь на столько, сколько фабрикантъ заплатитъ за его рабочую силу. Итакъ, послѣ 6 часовъ труда, работникъ совершенно отработаетъ свою плату. Такъ работаетъ онъ цѣлую недѣлю, по истеченіи которой фабрикантъ забираетъ пряжу и несетъ ее на рынокъ, желая снова получить 2000 рублей.

Сколько хочешь за пряжу? 2000 рублей? — говоритъ купецъ — это слишкомъ много! Развѣ ты думаешь, что въ твоей пряжѣ дѣйствительно заключается стоимости на 2000 руб. Гдѣ тамъ! Посчитаемъ вмѣстѣ. Въ пряжѣ заключается стоимость хлопчатой бумаги на 1400 руб., стоимость машины на 80 руб., стоимость угля и газа на 24 руб. и стоимость рабочей силы на 360 руб. (если въ теченіи недѣли работали сто рабочихъ 6 дней, по 6 часовъ въ день, съ платою 10 коп. въ часъ: 6.6.100.10 равняется

360 руб.) или всего вмѣстѣ въ пряжѣ заключается стоимости на 1864 руб. Могу, слѣдовательно, дать тебѣ только 1864 руб., и ни гроша болѣе. Какъ такъ! Значитъ, я ничего не выигралъ, вѣдь я самъ истратилъ 1864 руб. Гдѣ же мой доходъ? Зачѣмъ же я открывалъ фабрику? что она мнѣ принесла?

Къ чему вся эта комедія? Дѣйствительно, доходу бы не было, если бы нашъ фабрикантъ не напалъ на мысль оставлять своихъ работниковъ, отработавшихъ за свою плату 6 часовъ, работать на фабрикѣ болѣе продолжительное время.

Какъ же — могли бы сказать работники фабриканту, — ты заставляешь насъ работать дольше, а вѣдь всякій изъ насъ уже отработалъ свою плату; мы вѣдь уже доложили къ хлопчатой бумагѣ столько стоимости, сколько стоитъ наша рабочая сила.

Что вы тамъ разсуждаете! Я вашу рабочую силу купилъ на цѣлый день, а не на шесть часовъ, и могу съ вами дѣлать въ этотъ день что хочу. Не разсуждать, а работать!

И работники, которые послѣ 6 часовъ труда должны бы были оставить фабрику, пойти отдыхать или работать на себя, остаются дольше и работаютъ еще 6 часовъ. Фабрикантъ выдаетъ имъ новый матеріалъ и дѣло улаживается. Послѣ каждаго часа сво-

его труда, работники добавляютъ къ этой новой хлопчатой бумагѣ новую стоимость и послѣ 6 часовъ каждый изъ нихъ добавитъ 6 часовъ стоимости. Понятно, что эта новая стоимость уже ничего не стоитъ фабриканту, она совершенно даровая. Одинъ работникъ, трудясь 6 часовъ, добавляетъ такимъ образомъ 6 разъ по 10 коп (если 1 часъ труда стоитъ 10 коп.) или 60 коп. стоимости. Сто работниковъ въ 1 день добавятъ въ 100 разъ болѣе или 60 руб. стоимости, а въ недѣлю, работая 6 дней, они доложатъ еще въ 6 разъ болѣе — или 360 руб. новой стоимости. Если теперь нашъ фабрикантъ захочетъ продать эту часть своей пряжи, *) то сколько онъ за нее получитъ? Очевидно, что опять 1864 руб., потому что въ пряжѣ будетъ заключаться стоимость новой хлопчатой бумаги на 1,400 руб., стоимость новыхъ машинъ на 80 руб., стоимость угля и газа на 24 руб., и наконецъ 360 часовъ труда, полученныхъ имъ отъ рабочихъ даромъ. Теперь фабрикантъ охотно уже уступитъ за эту цѣну свою пряжу, ибо она стоила ему не 1864 руб., а лишь 1504 руб., (1400 р. за хлопчатую бумагу, 80 руб., за машины, 24 руб., за уголь и газъ: 1400+80+24=

*) Т. е. часть, сработанную въ добавочные часы.

1504 руб.,) Теперь уже, очевидно, производство принесло доходъ.

Сдѣлаемъ теперь окончательный счетъ. Нашъ фабрикантъ выдалъ на хлопчатую бумагу 2 раза по 1400 руб., т. е. 2800 руб. 2 раза по 80 руб. на машины, т. е. 160 р. 2 раза по 24 р. на уголь и газъ, т. е. 48 руб, и заплатилъ рабочимъ 360 руб. или выдалъ всего на всего 3368 рублей (2800 +160+48+360=3368.) Получитъ же онъ за первую половину пряжи 1864 руб. за другую тоже 1864 руб. или за всю пряжу 3728 руб. (1864+1864=3728), значитъ прибыли у него 360 руб. (3728—3368=360).

Откуда же взялась эта прибыль? Очевидно, она явилась потому, что фабрикантъ ничего не заплатилъ работникамъ за работу въ другую половину дня, потому что работники вторую половину своего труда отдали ему даромъ, потому что кромѣ 3600 часовъ оплоченнаго труда работники добавили къ хлопчатой бумагѣ еще 3600 часовъ неоплаченнаго. прибавочнаго труда, или какъ говорятъ, 3600 часовъ прибавочной стоимости *).

---

*) Слѣдовательно, что же такое прибавочная стоимость? Это та стоимость, которую рабочіе добавляютъ къ вырабатываемому товару, уже послѣ того какъ они отработали свою рабочую плату—это неоплаченный трудъ работника.

Теперь мы знаемъ, зачѣмъ фабрикантъ нанимаетъ работниковъ. Затѣмъ, чтобы съ ихъ труда имѣть доходъ, чтобы получить черезъ нихъ прибавочную стоимость.

Съ чего же, значитъ, нашъ фабрикантъ получаетъ свой доходъ? Съ собственнаго труда? Очевидно нѣтъ. Слѣдовательно съ чужаго? Да, и именно съ труда рабочихъ.

Рабочіе трудятся на себя только половину дня, а другую половину — на фабриканта. Полжизни рабочіе работаютъ для себя, для своей семьи, для своихъ, а другая половина жизни идетъ на то, чтбы фабрикантъ могъ имѣть доходъ съ своей хлопчатой бумаги, чтобы могъ получать прибавочную стоимость.

То, что мы сказали объ одномъ фабрикантѣ хлопчатой бумаги, можно сказать о всѣхъ мастерахъ и фабрикантахъ на свѣтѣ. Всѣ они покупаютъ работниковъ, всѣ покупаютъ ихъ р а б о ч у ю с и л у только для того, чтбы имѣть прибыль съ ихъ т р у д а, чтобы заставить ихъ работать дольше, чѣмъ слѣдовало бы, и чтобы, такимъ образомъ, обогатить себя.

IV.

Вы, конечно, согласитесь съ тѣмъ, что я только что вамъ разсказалъ. Одно только могли бы вы возразить, что примѣръ съ хлопчатобумажной фабрикой не совсѣмъ

правдоподобенъ. Гдѣ и когда слыхано, чтобы машины стоили только 80 руб., или чтобы хлопчатая бумага стоила только 1400 рублей? — Совершенно вѣрно. Числа, приведенныя въ этомъ примѣрѣ, выбраны были для того, чтобы легче выяснить, что такое прибавочная стоимость. Теперь я вамъ приведу примѣръ изъ жизни и числа будутъ такъ вѣрны, что никто не сможетъ ничего возразить.

Въ Англіи, какъ каждому извѣстно, обрабатывается громадное количество хлопка *). Уже издавна тамъ существуютъ огромныя паровыя фабрики, издавна уже работники перестали тамъ работать на себя, а должны продавать свой трудъ, становясь обыкновенными наемниками, давно уже они терпятъ и нужду и голодъ. За то богатѣютъ фабриканты. Такъ вотъ, положимъ, что одному изъ такихъ фабрикантовъ хлопчатой бумаги содержаніе фабрики и все производство стоило 134,250 рублей въ годъ, а по истеченіи года онъ продалъ свою пряжу и получилъ за нее 159000 руб. Значитъ прибыли онъ получилъ 24750 руб. (159000 — 134250 = 24750) или 18 процентовъ. Вы знаете, конечно, что это

*) Въ 1873 г. въ Англіи обработано тысяча двѣсти шестьдесятъ четыре милліона фунтовъ хлопка съ помощью тридцати трехъ милліоновъ пяти сотъ тысячъ веретенъ.

еще не очень большая прибыль, такъ какъ и у насъ есть фабрики, напримѣръ свеклосахарные заводы, которые даютъ 40, 50 и болѣе процентовъ прибыли. Посмотримъ, откуда нашъ фабрикантъ получаетъ эту прибыль. Для большей ясности разсчитаемъ, сколько тратитъ онъ на производство въ недѣлю.

На его фабрикѣ 10000 веретенъ, движущихся посредствомъ пара. Одно веретено (конечно съ помощію работника) можетъ дать одинъ фунтъ пряжи въ недѣлю. Веретенъ — 10000, слѣдовательно на фабрикѣ приготовляется въ недѣлю 10000 фунтовъ пряжи. Но чтобы получить 10000 фунтовъ пряжи, надо купить хлопчатой бумаги болѣе чѣмъ 10000 фунтовъ, потому что при работѣ всегда пропадаетъ нѣкоторая часть ея, въ видѣ отброса. На нашей фабрикѣ приходится покупать 10600 фунтовъ хлопчатай бумаги, такъ какъ 600 фунтовъ пропадаетъ при производствѣ. Фунтъ хлопчатой бумаги въ 1871 году въ Англіи стоилъ $19^1/_2$ копѣекъ, а слѣдовательно на 10600 фунтовъ хлопчатой бумаги надо было истратить 10600 разъ болѣе, т. е. 2067 рублей.

Чтобы изъ этой хлопчатой бумаги получить пряжу, необходимы машины, различный вспомогательный матеріалъ и рабочій трудъ. Машины, т. е. веретена вмѣстѣ съ паровой машиной, стоятъ 60000 рублей. Но разъ куп-

ленныя машины не изнашиваются сразу, а могутъ служить лѣтъ десять, поэтому, ежегодная трата на машины не будетъ 60000, а въ 10 разъ меньше, т. е. 6000 рублей, а еженедѣльная трата (если въ году 50 рабочихъ недѣль) въ 50 разъ меньше 6000, т. е. 120 рублей. Далѣе, для машинъ необходимъ каменный уголь (для нагрѣванія котловъ), масло (для смазыванія колесъ), газъ (для освѣщенія фабрики) и т. д. На уголь въ нашей фабрикѣ еженедѣльно выходитъ 24 руб. 60 коп., на газъ — 6 руб. За наемъ помѣщенія фабрикантъ платитъ еженедѣльно 36 руб. Весь еженедѣльный расходъ на хлопчатую бумагу, на машины, уголь, газъ, масло, квартиру и т. п. будетъ равняться 2284 руб. 50 коп. Однако весь этотъ матеріялъ ничего не даетъ, если не приложитъ къ нему рабочихъ рукъ. Поэтому фабрикантъ нанимаетъ 135 рабочихъ (каждый изъ нихъ наблюдаетъ за 74 веретенами) и платитъ имъ за ихъ рабочую силу столько, сколько нужно на ея произведеніе или на продвольствіе работника (на пищу, одежду, помѣщеніе) допустимъ по 2 руб. 25 коп. въ недѣлю. Всѣмъ рабочимъ въ недѣлю будетъ выдано 303 руб. 75 копѣекъ.

Если бы работники работали только для себя, т. е. если бы они отдавали фабриканту столько труда, сколько сами взяли отъ

фабриканта въ видѣ рабочей платы, то было бы очень легко высчитать, сколько должны стоить выработанные ими въ теченіе недѣли 10000 фунтовъ пряжи. И дѣйствительно въ этой пряжѣ должны заключаться: 1) стоимость хлопчатой бумаги — 2067 руб., 2) стоимость машинъ — 120 руб., 3) стоимость угля — 24 руб., 60 коп., 4) стоимость масла — 24 руб. 60 коп., 5) стоимость газа — 6 руб., 6) стоимость помѣщенія — 36 руб., 7) плата рабочимъ — 303 руб., 75 коп. Всего вмистѣ 2587 руб. 50 коп., а одинъ фунтъ въ 10000 разъ менѣе или приблизительно 26 копѣекъ.

Между тѣмъ, нашъ фабрикантъ за фунтъ пряжи получитъ не 26 коп., а $31^5/_8$ коп., а за 10000 фунтовъ пряжи въ 10000 разъ болѣе — 3162 руб., 50 коп., т. е. на 575 рублей болѣе (3162 р. 50 коп.—2587 р. 50 к.=575 р.) чѣмъ мы высчитали.

Если нашъ фабрикантъ получилъ на 575 руб. болѣе, то это очевидно потому, что въ нихъ заключается новая стоимость, которой прежде не было, которую добавили работники собственнымъ неоплаченнымъ трудомъ. Мы видимъ, слѣдовательно, что 575 рублей дохода произошли изъ неоплаченнаго труда, изъ созданной рабочими прибавочной стоимости. Эти работники получили отъ фабриканта 303 р. 75 коп. за недѣльный трудъ, а въ недѣ-

лю они нетолько отработали свою плату, но и добавили къ хлопчатой бумагѣ 575 рублей неоплаченнаго труда. Каждый изъ нихъ получаетъ въ день $37^1/_2$ коп. и не только возвращаетъ ихъ, возвышая своимъ трудомъ стоимость хлопчатой бумаги, но прибавляетъ еще новой стоимости (прибавочной стоимости) $58^1/_2$ коп. Слѣдовательно, неоплаченный трудъ продолжается болѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ раза дольше, чѣмъ оплаченный, работникъ въ $1^1/_2$ раза больше работаетъ на фабриканта, нежели на себя.

Прибавочная стоимость болѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ раза больше оплаченнаго труда или, какъ говорятъ, мѣра прибавочной стоимости есть $1^1/_2$ (или $150^0/_0$) *). Теперь, кажется, я васъ вполнѣ убѣдилъ, что не всякій доходъ получается съ собственнаго труда; мы видѣли по крайней мѣрѣ, что фабрикантъ получаетъ свой доходъ не съ своего труда, а съ чужаго.

Ну, а мастера, помѣщики, чиновники, куп-

---

*) Мѣра прибавочной стоимости есть слѣдовательно отношеніе между неоплаченнымъ трудомъ и грудомъ оплаченнымъ. Такъ, если работникъ работаетъ на себя 4 часа, а 8 часовъ на капиталиста, то неоплаченный трудъ въ 2 раза болѣе оплаченнаго и мѣра прибавочной стоимости = 2 или $200^0/_0$. Если онъ 6 часовъ работаетъ на себя, а 6 на капиталиста, то мѣра прибавочной стоимости =1 или $100^0/_0$.

цы и т. п., что же можно сказать объ ихъ доходѣ? Начнемъ съ мастеровъ.

Вы, конечно, знаете, что большая часть обуви у насъ приготовляется въ частныхъ мастерскихъ, въ которыхъ мастеръ наблюдаетъ за работой, подмастерья работаютъ за плату, а ученики даромъ. Что мастеръ зарабатываетъ на ученической работѣ и получаетъ съ нея прибыль, объ этомъ знаютъ даже малыя дѣти. Здѣсь мы будемъ говорить только объ оплаченной работѣ подмастерья. — Вы знаете, какъ тяжелъ трудъ сапожника. Согнувшись на своемъ стулѣ, въ душной, темной комнатѣ, онъ долженъ работать 15, 16 часовъ, чтобы только заработать на собственное содержаніе. Платятъ ему поштучно, по 90 коп. за пару штиблетъ. При благопріятныхъ условіяхъ, хорошій подмастерье въ 15 часовъ можетъ сдѣлать двѣ пары штиблетъ и получитъ за свой трудъ 1 рубль 80 коп. Посмотримъ теперь, откуда берется заработокъ мастера.

Кожа, резина, подошвы на одну пару штиблетъ стоятъ отъ 2 руб. 10 коп. до 2 руб. 55 коп., остальной матеріалъ (дратва, шило, гвозди и т. п.) 10 коп., помѣщеніе, положимъ — 10 коп. *), трудъ подмастерья

*) Разумѣется, помѣщеніе стоитъ гораздо дороже, можетъ быть 9 руб., можетъ быть рублей 15 и болѣе,

90 коп. — Если бы нашъ подмастерье получалъ за свой трудъ все, что ему слѣдуетъ, то въ парѣ штиблетъ должны бы были заключаться: 1) стоимость матеріала (кожа, резина, подошвы) на 2 р. 55 коп., стоимость остальнаго матеріала на 10 коп., стоимость помѣщенія на 10 коп., стоимость труда подмастерья на 90 коп., такъ что штиблеты должны бы были стоить 3 р. 65 коп. Между тѣмъ мастеръ продаетъ пару штиблетъ за 5 р., т. е. на 1 р. 35 коп. дороже.

Откуда же взялись эти 1 р. 35 коп.? Очевидно ихъ не было ни въ подошвахъ, ни въ гвоздяхъ, ни въ квартирѣ, эту новую стоимость могли доложить только работники.

Итакъ, нашъ подмастерье за 90 коп., кромѣ оплаченнаго труда добавилъ мастеру на 1 р. 35 коп. труда неоплаченнаго, т. е, прибавочной стоимости, которой и пользуется, разумѣется, только мастеръ. Опять, слѣдовательно, неоплаченный трудъ въ 1 $^1/_2$ раза болѣе оплаченнаго, опять мѣра прибавочной стоимости — $1^1/_2$ или $150^0/_0$. Работникъ изъ 15 часовъ ежедневнаго труда работаетъ на себя только 5 часовъ, а 10 отдаетъ мастеру, обогащая его.

но въ этомъ помѣщеніи заготовляютъ не одну пару сапогъ, а 50, 100 и болѣе въ мѣсяцъ, поэтому на каждую пару приходится за помѣщеніе несравненно меньше, положимъ 10 коп.

Теперь вы видите, какъ получаетъ свой доходъ мастеръ. Собственнымъ ли трудомъ? Очевидно нѣтъ. Точно также какъ и фабрикантъ, онъ можетъ обогатиться только чужимъ трудомъ, только трудомъ своихъ работниковъ и мастеровыхъ.

Вы видите теперь, сколько вѣры заслуживаютъ люди, которые разсказываютъ чудеса о богатствахъ, нажитыхъ собственнымъ трудомъ; вы знаете теперь, что позорно лгутъ тѣ, которые говорятъ, что фабриканты собственнымъ трудомъ нажили себѣ богатство.

V.

А купцы, помѣщики, чиновники и т д.? Сейчасъ дойдемъ и до нихъ. И чтобы выяснить себѣ, откуда берется ихъ доходъ, какимъ трудомъ они себя содержатъ, возьмемъ примѣръ.

Положимъ, что какой нибудь фабрикантъ вложилъ въ свое предпріятіе 150000 рубл. Какое это предпріятіе для насъ все равно, скажемъ хоть — свеклосахарный заводъ. Нашъ фабрикантъ купилъ машины, свекловицу, другіе нужные матеріалы, нанялъ рабочихъ, и по окончаніи года получаетъ за сахаръ 195,000 руб. Такимъ образомъ фабрикантъ получаетъ 45000 руб. дохода съ своего ка-

питала въ 15000 руб. Мы уже знаемъ, что эти 45000 руб. есть неоплаченный трудъ работниковъ или прибавочная стоимость.

Фабрикантъ охотно удержалъ бы себѣ весь этотъ доходъ: хотя онъ и не стоитъ ему никакого труда, но разставаться съ деньгами — все же трудновато.

Но много и другихъ охотниковъ до отобранной у работниковъ прибавочной стоимости. Всякій хотѣлъ бы хоть сколько нибудь опустить въ свой карманъ, попользоваться хоть каплей рабочаго трудоваго пота. Прежде всего протягиваетъ свои руки купецъ. Фабрикантъ безъ купца ничего не можетъ, потому что онъ знаетъ, что не получитъ никакой прибыли съ своего товара, пока этотъ товаръ лежитъ у него въ магазинѣ: сначала надо продать товаръ, промѣнять его на деньги, и только тогда можно сказать, что дѣло сдѣлано. Нужно, значитъ, искать купца, чтобы продать ему товаръ.

Является купецъ; онъ готовъ купить товаръ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы продавецъ сдѣлалъ ему уступку на нѣсколько процентовъ. Фабрикантъ на это не согласиться не можетъ, уступаетъ ему, допустимъ — 10 коп. съ руб., и продаетъ ему свой сахаръ не за 195000 руб., а за 187500 руб. Прибыль фабриканта уменьшилась, часть ея попала въ карманъ купца, но за то теперь въ

карманѣ фабриканта лежатъ чистыя денежки. Купецъ же получилъ при этомъ 7500 рубл. Какимъ образомъ получилъ онъ этотъ доходъ? Собственнымъ трудомъ? Понятно—нѣтъ. Его прибыль есть только часть прибыли фабриканта, а поэтому и она есть часть неоплаченнаго труда рабочихъ. И купецъ, слѣдовательно, содержитъ себя чужимъ трудомъ, трудомъ фабричныхъ рабочихъ.

За купцомъ идетъ помѣщикъ. Нашъ фабрикантъ построилъ себѣ фабрику на помѣщичьей землѣ. Бываетъ, правда, что строятъ фабрики на собственной землѣ, но часто и—на чужой. Владѣлецъ земли желаетъ за это получить плату, такъ называемую ренту. Что тутъ подѣлаешь, думаетъ себѣ фабрикантъ, коли надо платить, такъ плати. И отдаетъ ему изъ своей прибыли 3000 рубл. ренты.

И такъ откуда же является доходъ землевладѣльца? Очевидно тоже изъ прибыли фабриканта, а слѣдовательно опять таки изъ неоплаченнаго труда фабричныхъ рабочихъ*).

У нашего фабриканта осталось только 34,500 рублей прибыли. Но и теперь еще

---

*) Мы говоримъ здѣсь о такомъ землевладѣльцѣ, который самъ не ведетъ хозяйства. Такой же землевладѣлецъ, который ведетъ собственное хозяйство, тоже содержитъ себя трудомъ работниковъ, но своихъ собственныхъ, т. е. трудомъ наемниковъ: пахарей, косарей и т. п.

онъ не можетъ положить всѣ эти деньги въ свой карманъ. Мы уже говорили, что на устройство своей фабрики онъ истратилъ 150,000 руб. Эти 150,000 рублей могли быть его собственные, но могли быть также взяты у кого нибудь взаймы. Вѣдь много есть богатыхъ людей, которые вмѣсто того, чтобы заниматься какими нибудь предпріятіями, отдаютъ свои деньги въ ростъ и прибавляютъ ежегодно получаемые проценты къ своему капиталу. У одного изъ такихъ капиталистовъ и могъ занять деньги нашъ фабрикантъ. Допустимъ, что капиталистъ далъ ему нужные 150000 рубл. по 6 процентовъ. Тогда фабрикантъ отдаетъ изъ своей прибыли 9000 рублей процентовъ капиталисту. Ему остается только 25500 руб. Капиталистъ же изъ чужаго кармана перекладываетъ въ свой 9000 руб. Но изъ чьего кармана? на первый взглядъ кажется, что изъ кармана фабриканта, на самомъ же дѣлѣ и эти 9000 взяты у рабочихъ, изъ ихъ неоплаченнаго труда.

Итакъ, фабриканту остается 25500 руб., но и этимъ остаткомъ онъ не можетъ вполнѣ распоряжаться по своему усмотрѣнію. Правительство также хочетъ получить свою долю изъ этой добычи. И оно право. Оно затѣмъ только и существуетъ, чтобы защищать богатыхъ и притѣснять бѣдныхъ. Пра-

вительство имѣетъ войско и полицію только для того, чтобы держать бѣдняковъ въ повиновеніи. Когда рабочіе собираются, сговариваются и требуютъ, чтобы фабрикантъ повысилъ заработную плату, то правительство посылаетъ войско и жандармовъ для усмиренія «бунтовщиковъ». Когда фабриканты двухъ странъ спорятъ о томъ, кому изъ нихъ ввозить свои товары въ третью страну, то правительства высылаютъ свои войска и грозятъ войной, если не исполнятъ требованій ихъ фабрикантовъ. А когда рабочіе начинаютъ волноваться, когда они возвышаютъ голосъ въ защиту своихъ правъ и требуютъ справедливости отъ купцовъ и фабрикантовъ, тогда правительство даже ищетъ войны, чтобы только удалить изъ страны эти «безпокойныя головы». Вы видите слѣдовательно, какія значительныя услуги правительство оказываетъ богачамъ и фабрикантамъ. Но этого мало; для кого открываетъ оно университеты, улучшаетъ города, строитъ театры? Не для бѣдныхъ ли? О, нѣтъ! Бѣдные не могутъ посылать своихъ дѣтей въ школу, имъ некогда думать о театрѣ! Все это вмѣстѣ взятое, и правительство, и полиція, и войско, и театръ, все это существуетъ для богатыхъ, для «господъ». На все это правительству нужно много денегъ, собираемыхъ въ видѣ податей. Сколько денегъ идетъ на одно войско! А на полицію,

а на тысячи чиновниковъ большихъ, малыхъ и маленькихъ, а на министровъ, царей, цариць, царевенъ и чортъ знаетъ еще на кого!

Больше всего податей платятъ сами бѣдняки, рабочіе. Но немного даютъ также фабриканты и капиталисты; всякій изъ нихъ считаетъ своею обязанностью платить деньги правительству, какъ своему слугѣ. И нашъ фабрикантъ кое-что удѣляетъ правительству изъ своего дохода. Онъ вноситъ въ видѣ податей, положимъ, 500 руб. Легко понять, что и эту подать заплатили рабочіе, потому что ни одинъ фабрикантъ ничего своего не имѣетъ, а раздаетъ только прибавочную стоимость, неоплаченный трудъ работника.

Нашему фабриканту остается 25000 руб. Изъ нихъ идетъ 750 руб. на жалованье директору фабрики, 1500 въ страховое общество, и 2250 руб. разной другой братіи. Остается 20500 руб. чистаго дохода, съ которыми фабрикантъ уже можетъ дѣлать, что ему угодно. И весь свѣтъ будетъ говорить, что эти 20500 руб. — его «собственность», что онъ ее пріобрѣлъ «собственнымъ трудомъ».

Фабрикантъ съумѣетъ пожить на эти денежки! Онъ не станетъ считать, сколько ему надо для поддержанія своего существованія, какъ онъ это дѣлаетъ по отношенію къ работнику, а будетъ жить и тратить деньги, какъ ему вздумается. Театры, балы, шампан-

ское, кареты, роскошь въ домѣ, роскошь за столомъ! Жить вообще можно, потому что въ карманѣ неоплаченный рабочій трудъ. Неоплаченнаго труда хватитъ на все: имъ будутъ жить и служащіе фабриканта, его содержанки, лакеи и т. п. А деньги, остающіеся послѣ удовлетворенія его причудъ и потребностей, фабрикантъ прибавитъ къ своимъ тысячамъ, чтобы нанять еще больше работниковъ, чтобы еще болѣе попользоваться чужимъ трудомъ, поживиться чужой прибавочной стоимостью.

VI.

Теперь мы уже можемъ дать полный отвѣтъ на вопросъ, поставленный въ заглавіи и въ началѣ нашей книжки.

Кто чѣмъ живетъ? Кто своимъ и кто чужимъ трудомъ? Кто чѣмъ себя содержитъ, трудомъ ли своихъ или чужихъ рукъ?

Теперь мы могли бы раздѣлить всѣхъ людей на три разряда. Къ первому разряду принадлежатъ люди, работающіе на себя и содержащіе себя собственнымъ трудомъ; къ нему принадлежатъ всѣ тѣ ремесленники, у которыхъ есть собственныя орудія производства и всѣ крестьяне, имѣющіе столько земли, что они могутъ существовать своимъ трудомъ.

Другой разрядъ. Это рабочіе, у которыхъ

нѣтъ собственныхъ орудій производства и крестьяне, у которыхъ слишкомъ мало или совсѣмъ нѣтъ земли, и которые должны продавать себя, продавать свою рабочую силу. Къ этому разряду мы причисляемъ всѣхъ подмастерьевъ, фабричныхъ рабочихъ, батраковъ, наемниковъ и т. п., и т. п.

А третій разрядъ составляютъ тѣ, которые имѣютъ орудія производства, но сами не работаютъ, а заставляютъ работать другихъ. Эти на себя не работаютъ, а содержатъ себя и богатѣютъ чужимъ трудомъ, прибавочной стоимостію, отнятой у другихъ людей. Сюда принадлежатъ фабриканты, мастера, помѣщики, купцы, полиція, войско, министры и многіе изъ чиновниковъ.

А теперь я спрошу васъ — справедливо ли это? Справедливо ли такое раздѣленіе на праздныхъ богачей и трудящихся бѣдняковъ? Да или нѣтъ?

—=—

Мы уже видѣли въ первой половинѣ нашей книги, каковы нынѣшніе порядки: небольшая горсть людей живетъ и роскошествуетъ на счетъ труда всего народа. Но почему это такъ? Потому что эта масса народа не свободна, потому что она принуждена продавать свою рабчую силу, продавать себя.

Но почему же она принуждена продавать себя? Потому что у нея нѣтъ орудій труда. А мы уже видѣли, что тотъ, кто не имѣетъ орудій труда, долженъ продавать себя, иначе онъ умретъ съ голоду. Слѣдовательно, если хотимъ исправить, улучшить, измѣнить теперешній порядокъ, если хотимъ устранить нужду однихъ и роскошь другихъ, то что должны мы сдѣлать? Очевидно, устроить такъ, чтобы каждый имѣлъ свои собственныя орудія труда. Тогда каждый будетъ работать на себя. Никто не будетъ работать на другихъ, никто не будетъ отдавать прибавочной стоимости изъ своего труда. Тогда никто не станетъ покупать людей, ихъ рабочую силу, никто не будетъ отнимать прибавочной стоимости, никто не сможетъ обогатиться трудомъ другихъ, никто не будетъ содержать себя чужимъ трудомъ.

— Устроить такъ, чтобы каждый имѣлъ орудія труда? Но какъ это устроить? Въ этомъ то вся задача, — замѣтите вы мнѣ.

— Какъ устроить? Очень просто: отобрать орудія труда у тѣхъ, у которыхъ ихъ слишкомъ много и отдать на пользованіе трудящемуся люду.

Отобрать! силой!! Да помилуйте, какъ же это отобрать? Развѣ это можно? Развѣ это мыслимо? Развѣ это нравственно?

— Возможно-ли это, мыслимо-ли, нравственно-ли — вотъ три вопроса, на которые мы постараемся дать отвѣтъ.

I.

Посмотримъ сначала, возможно-ли? Возможно-ли, чтобы у каждаго работника, у каждаго человѣка были свои орудія труда?

Не такой это простой вопросъ, какъ могло бы показаться. Съ перваго взгляда кажется, что это вещь вовсе не трудная. Вѣдь было же когда то такъ, что у каждаго почти работника была собственная мастерская, въ которой онъ самъ былъ господиномъ.

Въ старину — точно, такъ было. Но тогда людей на свѣтѣ было сравнительно мало. Въ томъ городѣ, въ которомъ 200 лѣтъ тому назадъ было 500 тысячъ жителей, теперь 4 милліона (Лондонъ въ Англіи); страна, въ

которой 200—300 лѣтъ тому назадъ было 2 милліона жителей, теперь быть можетъ—10 милліоновъ и больше, гдѣ прежде доставало на всѣхъ 1000 паръ сапогъ, теперь надо милліонъ, гдѣ прежде потреблялось милліонъ аршинъ полотна, теперь требуется въ 10, въ 20 разъ больше. Слѣдовательно, въ старину, «въ доброе старое время»,—хотя оно далеко было не такъ хорошо, чтобы желать его возвращенія,—ткачъ, работавшій съ женой и дѣтьми въ своей мастерской, или слесарь, который заготовлялъ замки у себя на дому, не могли много заготовлять ни полотна, ни замковъ. Работали мало, потому что и спросъ былъ не великъ; ткачъ ткалъ свое полотно на плохомъ станкѣ, слесарь выдѣлывалъ свои замки при помощи плохихъ орудій.

Теперь ткачъ долженъ непремѣнно ткать съ помощію машинъ. Если бы онъ хотѣлъ ткать полотно на станкѣ, то это было бы все равно, какъ если бы кто нибудь захотѣлъ ѣхать на лошадяхъ туда, куда проложена желѣзная дорога. Онъ долженъ бы былъ истратить можетъ быть 100 часовъ на то, что при помощи машины сработалъ бы въ 1 часъ.

Въ настоящее время требуется много, очень много продуктовъ. Необходимы большія фабрики, паровыя машины, большіе магазины, чтобы произвести необходимое количество продуктовъ. Въ настоящее время, напримѣръ,

въ одной Англіи 450,087 рабочихъ ткутъ хлопчатую бумагу на 33 милліонахъ веретенъ. И если бы у каждаго работника была своя мастерская, свое веретено, т. е. если бы каждый былъ самостоятельнымъ работникомъ, то всѣ вмѣстѣ не сработали бы и двадцатой части того, что вырабатывается теперь. Вездѣ чувствовался бы недостатокъ въ бумажныхъ тканяхъ и даже наши крестьянки стали бы жаловаться на такіе порядки. Вы видите теперь, что не такъ то легко и не всегда возможно, чтобы у каждаго была своя собственная мастерская, свои собственныя орудія труда. Не было бы, правда, притѣсненій рабочихъ, но за то вездѣ былъ бы недостатокъ въ самыхъ необходимхъ товарахъ, нужда и даже голодъ.

Да! голодъ, какъ вы сами сейчасъ убѣдитесь. Въ настящее время въ Англіи, напримѣръ, почти нѣтъ работниковъ, у которыхъ бы были собственныя орудія труда. Крестьянъ же, которые обрабатывали бы свою собственную землю, и вовсе нѣтъ. Тамъ есть только крупные землевладѣльцы, у которыхъ есть огромныя имѣнія, паровые плуги, паровыя машины для жнитва и молотьбы, и которые нанимаютъ сельскихъ работниковъ для обработки своихъ полей.

У сельскихъ же работниковъ нѣтъ ничего: ни полей, ни огородовъ, ни орудій труда, ни даже собственной хаты; они должны, слѣ-

довательно, продавать себя въ рабство господамъ и отдавать имъ свой добавочный трудъ.

Такимъ работникамъ приходится плохо, очень плохо. Невообразимый ужасъ вызываетъ звѣрство и алчность англійскихъ землевладѣльцевъ, когда читаешь въ книжкахъ описаніе бѣдственнаго положенія англійскихъ сельскихъ работниковъ.

Но какъ вы думаете, если бы каждому изъ нихъ былъ данъ особый клочекъ земли? Выигралъ ли бы отъ этого весь англійскій народъ? Вовсе нѣтъ. Въ 1875 году Англія нуждалась для своего продовольствія въ 22 милліонахъ квартеровъ хлѣба, (1 квартеръ равняется 75 гарнцамъ). На англійской землѣ родится только 13 милліоновъ квартеровъ хлѣба, такъ что 9 милліоновъ надо привозить изъ заграницы. Если бы земля была подѣлена на малые участки, на которыхъ нельзя было бы примѣнить ни паровыхъ плуговъ, ни молотилокъ, ни сѣялокъ ни вѣялокъ, то не только не собралось бы 13 милліоновъ квартеровъ, но, пожалуй, и пяти—шести. Тогда въ Англіи начался бы голодъ.

Вы видите, значитъ, что въ настоящее время нельзя, что бы каждый имѣлъ свои собственныя орудія труда!

Но какъ же быть? Не имѣть своихъ собственныхъ орудій труда—плохо, потому что приходится продавать свою рабочую силу,

продавать себя, обогащать другихъ; — опять таки плохо, потому что тогда будетъ нужда, голодъ. Что же дѣлать? Гдѣ найти выходъ?

Выходъ есть и очень хорошій. Почему бы не устроить и впередъ такъ же, какъ и теперь. Гдѣ работники работаютъ вмѣстѣ на большихъ фабрикахъ и на большихъ участкахъ земли, пусть и впередъ работаютъ вмѣстѣ, сообща. Но пусть они не дѣлятъ ни орудій, ни земли, пусть цѣлыя фабрики принадлежатъ работникамъ и не одному изъ нихъ, а всѣмъ. Пусть всѣ фабрики и вся земля принадлежитъ всѣмъ работникамъ, всѣмъ крестьянамъ, пусть то будетъ ихъ общая *) собственность. Пусть работаютъ они сообща, но не на фабрикантовъ, а на себя. Тогда и сдѣлаютъ они ни меньше, чѣмъ теперь, а гораздо больше. Каждый будетъ знать, что работаетъ не на празднаго фабриканта, а на всѣхъ своихъ товарищей, которые тоже работаютъ на него. Тогда работникъ пойметъ, что если онъ и будетъ работать дольше, чѣмъ слѣдуетъ, на фабрикѣ, то прибавочный трудъ, прибавочная стоимость будетъ служить всѣмъ, не пойдетъ на обогащеніе горсти людей, а улучшитъ судьбу всѣхъ и каждаго.

---

*) Т. е. государственная.

Итакъ, слѣдовательно, помочь работникамъ можетъ только общественная собственность на землю и на фабрики.

II.

А теперь спросимъ себя, удастся ли это? Можно ли надѣяться, что эта общая собственность на землю и орудія труда осуществится на дѣлѣ? Возможно ли, чтобы каждый былъ себѣ господинъ? Всегда были бѣдные и богатые, всегда и вездѣ была масса людей угнетенныхъ и горсточка угнетателей. Всегда были люди, которые находили такой порядокъ несправедливымъ, а однако ничто не помогло: всегда бѣднымъ было плохо, а богатымъ хорошо.

А теперь, развѣ число бѣдняковъ не становится все больше и больше, развѣ страшная нужда не охватываетъ рабочихъ всѣхъ странъ, развѣ роскошь и своеволіе тунеядцевъ не растетъ часъ отъ часу?

Все это правда, сущая правда, но все таки это не можетъ лишить насъ надежды; наоборотъ, изъ этого-то мы и можемъ видѣть, что близокъ конецъ нынѣшняго порядка. Дѣло вотъ въ чемъ.

Число бѣдняковъ, не имѣющихъ никакой собственности постоянно увеличивается и будетъ увеличиваться. Противъ этого ничего не

подѣлаешь при нынѣшнихъ порядкахъ. Ремесленникъ, отправляя свой товаръ на рынокъ, желаетъ получить за него какъ можно больше; и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: онъ трудился надъ нимъ, какъ только могъ. Но какая ему польза отъ его труда? Фабрикантъ, заготовляющій тотъ же товаръ на фабрикѣ, употребляетъ на его выдѣлку гораздо меньше труда*). Если мы допустимъ, что слесарь провозится надъ замкомъ 3 часа, то на фабрикѣ такой же замокъ сдѣлаютъ въ часъ, а то и скорѣе. Слесарь захочетъ взять за свой замокъ 30 копѣекъ (если часъ труда стоитъ гривенникъ), фабрикантъ же продастъ его за 10 коп. Разумѣется, никто не станетъ покупать замковъ у слесаря и слесарь, не будучи въ состояніи сбывать свои товары, продастъ свой станокъ и пойдетъ продавать свою рабочую силу фабриканту.

Что сказано о слесаряхъ, примѣняется и ко всѣмъ другимъ ремесленникамъ: съ машинами, и фабриками они тягаться не могутъ и рано или поздно должны сдѣлаться наемными рабочими. Такимъ то образомъ все большее и большее число людей лишается своей свободы и по неволѣ продастъ свою рабочую силу. Если бы рабочіе имѣли, по крайней

*) Конечно, не своего, здѣсь говорится о трудѣ его рабочихъ.

мѣръ, постоянную плату, на которую могли бы разсчитывать, то, пожалуй, имъ можно было бы какъ нибудь прожить на свѣтѣ. Но до этого далеко. Рабочая плата, напротивъ, понижается и должна понижаться постоянно, между тѣмъ, какъ прибыль фабриканта все увеличивается.

Постараемся объяснить это понятнѣе. Припомнимъ, откуда берется прибыль фабриканта; работникъ отдаетъ ему свой добавочный трудъ, потому что только одну часть дня работникъ трудится на себя, а остальную часть онъ трудится на фабриканта. Если, напримѣръ, фабрикантъ держитъ 20 рабочихъ, платя имъ по 90 коп. въ день, то платитъ столько потому, что именно столько необходимо на поддержаніе ихъ существованія (на пищу, одежду, квартиру). Работники послѣ шести часоваго труда уже отрабатываютъ эти 90 коп., а остальную часть дня работаютъ даромъ и такимъ образомъ даютъ фабриканту даромъ 90 коп. новой стоимости въ день (если допустить, что рабочій работаетъ всего 12 часовъ въ день). И если ихъ 20 человѣкъ и работаютъ они, допустимъ, 333 дня въ году, то въ годъ они приносятъ хозяину 6000 рублей прибыли ($20 \times 90 \times 333$). Очевидно, что чѣмъ больше своего труда отдаютъ работники, тѣмъ больше будетъ прибыль фабриканта; такъ что если вмѣсто 6

часовъ ежедневно, работники отдавали бы ему 8 часовъ, то прибыль хозяина была бы не 6000, а 7920 рублей.

Такъ оно и есть въ настоящее время: работники принуждены отдавать все большую и большую часть рабочаго дня фабрикантамъ.

Какъ это такъ? А очень просто. Почему взятый нами для примѣра работникъ получаетъ въ день 90 копѣекъ? Потому что столько ему необходимо на поддержаніе своей жизни (на пищу, одежду, квартиру). Работая 6 часовъ за эту плату, рабочій остальную часть дня (т. е. 6. часовъ) работаетъ даромъ.

Если бы случилось такъ, что для прокормленія и вообще для жизни рабочаго довольно было бы 4 часовъ труда вмѣсто шести, то заработная плата была бы уже не 90, а только 60 коп. Работникъ трудился бы на себя только 4 часа, а 8 часовъ работалъ бы въ пользу фабриканта, отдавая ему весь прибавочный трудъ, всю прибавочную стоимость.

Такъ въ дѣйствительности и происходитъ. По мѣрѣ того, какъ вездѣ вводятся машины, съ которыми скорѣе можно производить всякій предметъ, все меньше и меньше труда требуется на изготовленія тѣхъ предметовъ, въ которыхъ нуждается работникъ. Прежде рубаха стояла 2 — 3 дня труда, теперь только одинъ день, а то и меньше; прежде какой

нибудь сюртукъ стоилъ, напримѣръ, 10 дней труда, теперь не стоитъ и трехъ.

Слѣдовательно, работнику въ настоящее время не приходится работать на себя (чтобы отработать свою плату) такъ долго, какъ въ прежнее время. Прежде онъ долженъ былъ работать на себя 6 часовъ тамъ, гдѣ теперь довольно четырехъ. Но пользы отъ этого ему нѣтъ никакой. Прежде изъ 12-тичасовой ежедневной работы онъ трудился на себя 6 часовъ, а 6 часовъ отдавалъ фабриканту; теперь для него достаточно 4 часовъ, слѣдовательно, фабриканту остается восемь. Рабочій трудится по прежнему, выигрываетъ одинъ фабрикантъ. Прежде работникъ работалъ на себя 6 часовъ, а остальные 6 употреблялъ на созданіе прибавочной стоимости; мѣра этой прибавочной стоимости (т. е. отношеніе между неоплаченнымъ трудомъ и трудомъ оплаченнымъ) равнялась 1 или 100 процентовъ; теперь необходимый для рабочаго трудъ продолжается 4 часа, прибавочная стоимость занимаетъ 8 часовъ и мѣра ея будетъ 2 или 200 процентовъ. Теперь вездѣ, во всѣхъ отрасляхъ промышленности вводятся машины. Съ ними и работа идетъ скорѣе. Потому и время, наобходимое работнику на поддержаніе своего существованія, постоянно уменьшается, время же, приходящееся на долю фабриканта все увеличивается. Мѣра

прибавочной стоимости также все возрастаетъ.

Теперь мы видимъ, почему работники должны бѣднѣть, а фабриканты — богатѣть.

— Ну, въ этомъ немного отраднаго, скажете вы мнѣ. Если такъ д о л ж н о быть, то какъ же надѣяться намъ на улучшеніе своего положенія?

— Нѣтъ худа безъ добра, говоритъ пословица. Такъ и въ этомъ постоянномъ повышеніи мѣры прибавочной стоимости есть много хорошаго. Прежде всего, хорошо то, что работникъ можетъ содержать себя все съ меньшей и меньшой затратой труда. Теперь, когда весь почти трудъ отдается хозяину, работникъ отъ этого не много выигрываетъ, но со временемъ, когда не будетъ хозяевъ, это уменьшеніе необходимаго труда будетъ для него очень важно.

А кромѣ того, я долженъ упомянуть здѣсь еще объ одной вещи, о которой до сихъ поръ не говорилъ ничего. Какъ вы думаете, всѣ ли фабриканты обогащаются чужимъ трудомъ? Далеко не всѣ; всѣ обогащаться не могутъ, каждый изъ нихъ старается раззорить другаго. Одинъ старается приготовить на продажу какъ можно больше товару, напримѣръ, ситцу, другой посылаетъ этого товару еще больше, третій больше ихъ обоихъ, и каждый изъ нихъ долженъ продавать какъ можно дешевле, если не хочетъ, чтобы его товаръ залежался.

Наконецъ ситцу доставляется на рынокъ такъ много, что на него нѣтъ ужъ и покупателей, а фабриканту безъ покупателей не далеко и до банкротства. Только очень богатые могутъ долго выжидать спроса и продолжать производство, а менѣе богатые разоряются до чиста и разворяютъ тысячи работниковъ, которые у нихъ работали, оставляя ихъ безъ куска хлѣба. И это повторяется чрезъ каждые 8—10 лѣтъ. Каждые 8—10 лѣтъ погибаетъ множество мелкихъ фабрикантовъ, выбрасывается на улицу масса работниковъ, богатѣютъ же только нѣсколько крупныхъ фабрикантовъ.

— Что же изъ этого слѣдуетъ?

Очень многое. Фабрикантовъ и богатыхъ вообще становится все меньше и меньше, бѣдняковъ же рабочихъ — все больше и больше; богатства скопляются въ рукахъ все меньшаго числа лицъ, нужда же обнимаетъ все большую и большую часть жителей.

Работники видятъ, что фабрикантовъ становится все меньше, что хотя богатства ихъ и растутъ, но число ихъ все уменьшается, такъ что все, что фабриканты выигрываютъ на богатствѣ, то теряютъ на силѣ. Рабочіе же на фабрикахъ привыкаютъ къ совмѣстному труду, видятъ собственными глазами, какъ выгодно работать сообща, какъ при этомъ сохраняется время и лучше становятся издѣ-

лія. Видятъ они собственными глазами, какъ не хорошо, когда всѣ орудія труда принадлежатъ одному собственнику, который не только самъ не работаетъ, но часто не имѣетъ понятія о томъ, какимъ образомъ выдѣлываются производимые у него продукты.

При томъ на фабрикахъ работники привыкаютъ стоять другъ за друга; они видятъ, что работникъ братъ работнику, что у нихъ у всѣхъ есть общій врагъ, который живетъ ихъ трудомъ, и они понимаютъ, что для побѣды надъ нимъ необходимо соединиться и помогать другъ другу.

Конечно, у многихъ рабочихъ зарождалась мысль: а чего ради мы, въ самомъ дѣлѣ, работаемъ на одного? Насъ такъ много, онъ же — одинъ; мы работаемъ на себя, а онъ отнимаетъ нашъ трудъ. Если бы фабрики были наши, то все бы пошло иначе: мы не гнались бы за прибылью, но заботились бы лишь о поддержаніи своего существованія. Мы бы работали съ пользой для всѣхъ, онъ же работаетъ только для себя, на убыль всѣмъ. Почему бы не сговориться всѣмъ работникамъ, почему бы имъ не отобрать отъ всѣхъ хозяевъ землю и фабрики?

III.

Но справедливо ли будетъ это?

Не носъ для табакерки, а табакерка для носа. Не для того люди на свѣтѣ, чтобы производить какъ можно больше продуктовъ, а продукты на свѣтѣ для того, чтобы удовлетворять нужды людей. Работники создаютъ продукты, они же должны ими пользоваться, а для этого имъ необходимы орудія труда, принадлежащія теперь фабрикантамъ. А если вамъ кто скажетъ, что собственность священна, что посягать на нее нельзя, то можете отвѣтить коротко и ясно. Вы цѣлыя сотни лѣтъ ежедневно и ежечасно обкрадывали насъ, пили нашъ потъ и кровь. Мы теперь только беремъ с в о е: фабрики построены нашими руками, все что вышло изъ нашихъ рукъ, должно принадлежать намъ. Не хотимъ болѣе обогащать другихъ своимъ трудомъ!

IV.

Теперь остается одинъ, самый важный вопросъ: какимъ же образомъ отобрать фабрики и земли, какъ этого достигнуть?

— Это ужъ ваше дѣло. Надъ этимъ вы сами должны поразмыслить. Когда въ прежнія времена рѣчь заходила о томъ, чтобы

освободить родину изъ неволи, когда надо было изгнать врага, тогда обращались къ вамъ, работники, и тогда вы могли спросить: «освободить родину, изгнать врага мы готовы, но какъ это сдѣлать?»

Теперь же дѣло идетъ только о васъ самихъ, о вашихъ семьяхъ, о вашихъ братьяхъ, а собственное дѣло надо умѣть дѣлать самимъ. Помните однако всегда, что только при общемъ владѣніи орудіями труда люди могутъ быть счастливы. И если сотни людей будутъ говорить вамъ, что одинъ человѣкъ можетъ добиться всего самъ, не вѣрьте этому.

Только соединяясь вмѣстѣ, общими усиліями, могутъ работники добиться своего освобожденія.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

—

Стоимость всякаго продукта опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на его производство (т. е. на его изготовленіе). Это признано всѣми учеными. Но у человѣка, не знакомаго съ наукой, можетъ явиться такая мысль: — если стоимость всякаго продукта будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше труда потрачено на его производство, то неумѣлый и неловкій сапожникъ, провозившійся надъ своими сапогами гораздо дольше, чѣмъ нужно, получитъ за нихъ больше, чѣмъ опытный мастеръ, работающій хорошо и скоро. Но такое разсужденіе ошибочно.

Наука говоритъ не о той излишней тратѣ времени и труда, которая происходитъ отъ неловкости рабочаго. Этотъ излишній трудъ есть трудъ ненужный, затраченный имъ *безъ надобности*, только по неумѣнью. Наука говоритъ о трудѣ *необходимомъ*, безъ котораго обойтись невозможно. А этотъ *необходи-*

мый трудъ также бываетъ не всегда одинаковъ. Всякому извѣстно, что на швейной машинѣ скорѣе можно шить, чѣмъ безъ машины. Пока не было швейныхъ машинъ, *трудомъ необходимымъ* на шитье, скажемъ, рубашки, былъ трудъ *средній* (т. е. не самой хорошей и не самой плохой) швеи, работающей съ помощію иголки. Когда же были изобрѣтены швейныя машины, трудъ *необходимый* для шитья рубашки сталъ меньше, потому что на машинѣ ее можно сшить скорѣе. Швея, у которой нѣтъ машины, конечно, также долго, какъ и прежде провозится надъ рубашкой; но теперь нѣкоторая часть ея труда уже не будетъ считаться *необхобимой*. Какая именно часть? А вотъ какая. Если на машинѣ можно шить втрое скорѣе, чѣмъ безъ машины; то только *третья часть* труда нашей швеи будетъ *трудомъ необходимымъ*. Положимъ, она провозилась съ рубашкой *шесть часовъ*, а на машинѣ можно было бы сшить ее въ два часа. Тогда *шесть часовъ труда нашей швеи* будутъ равняться только *двумъ часамъ необходимаго труда*. Вотъ почему введеніе машинъ всегда раззоряетъ ремесленниковъ, работающихъ ручными инструментами.

Но это еще не конецъ. Чтобы мой трудъ былъ *трудомъ необходимымъ*, нужно, чтобы произведенные мною продукты были нуж-

ны обществу, *чтобы на нихъ былъ спросъ*, какъ говорятъ ученые. Возьмемъ хоть ткацкое дѣло. Полотно и всякія ткани, конечно, нужны людямъ; это такой продуктъ, безъ котораго могутъ обходиться только дикари. Поэтому на полотна есть *спросъ*; трудъ ткача есть *трудъ необходимый*. Но и тутъ дѣло зависитъ отъ того, работаетъ ткачъ на машинѣ или на ручномъ станкѣ. Въ настоящее время *необходимымъ трудомъ* ткача считается только тотъ трудъ, который необходимъ при тканьѣ машинами. Тотъ *излишній* трудъ, который потребуется при ручномъ станкѣ, не считается уже необходимымъ. Оттого то наши ткачи-кустари такъ бѣдствуютъ въ настоящее время.

Но положимъ, что нужно было десять тысячъ штукъ полотна, а приготовили ихъ двадцать тысячъ. Выходитъ, что полотна приготовили вдвое больше, чѣмъ требовалось, значитъ и труда на его производство истратили вдвое больше, чѣмъ нужно. *Излишній* трудъ не есть *необходимый* трудъ. Если половина всѣхъ приготовленныхъ кусковъ была приготовлена безъ надобности, то и трудъ, затраченный на производство этой половины будетъ трудомъ *излишнимъ*, а вовсе не *необходимымъ*. Если люди, приготовившіе полотно (сами ткачи или ихъ хозяева) станутъ продавать полотно всѣ разомъ, то стоимость

полотна будетъ вдвое меньше, чѣмъ должна была бы быть по настоящему. Каждый изъ нихъ понесетъ убытокъ, каждый изъ нихъ увидитъ, что половину своего времени истратилъ даромъ, что его трудъ только на половину былъ трудомъ необходимымъ. Если же половина людей изготовившихъ полотно ухитрится вывезти его на рынокъ прежде, чѣмъ привезетъ его другая половина, то имъ, пожалуй, удастся продать его именно сообразно съ количествомъ труда, затраченнаго на его производство. Но тогда другая половина «производителей» полотна совсѣмъ не найдетъ покупщиковъ, ихъ *трудъ* окажется совершенно *излишнимъ*; значитъ и *стоимость* ихъ полотна будетъ равна нулю, потому что на производства этого полотна вовсе не затрачено *необходимаго труда*. Но ихъ можетъ отчасти выручить дешевизна ихъ товаровъ. И вотъ какимъ образомъ.

Видя, что нѣтъ спроса на ихъ полотно, они будутъ, что называется, навязывать его покупателямъ, будутъ все больше и больше понижать его цѣну. Тогда многіе изъ тѣхъ людей, которые по бѣдности не могли покупать полотна, когда оно продавалось по настоящей цѣнѣ, купятъ его теперь за безцѣнокъ. Кромѣ того, нѣкоторые изъ зажиточныхъ людей пожелаютъ купить его въ запасъ опять таки потому, что соблазнятся дешевизной. Благо-

даря этому, наши запоздавшіе продавцы полотна вернутъ кое что изъ своихъ «издержекъ производства», но безъ убытка, и безъ большаго убытка, дѣло все таки не обойдется.

Но кому же охота работать на убытокъ, задаромъ? Видя, что спросъ на полотно упалъ, люди, занимающіеся его производствомъ будутъ приготовлять его меньше. Тогда поднимается его цѣна. Если полотна приготовятъ на этотъ разъ ровно столько, сколько его требуется, то весь трудъ затраченный на его производство, будетъ *трудомъ ндобходимымъ*. А если полотна приготовятъ *меньше*, чѣмъ требуется, то цѣна его возрастетъ *еще больше*, такъ что производители получатъ больше, чѣмъ слѣдуетъ. Тогда вмѣсто убытковъ они получатъ огромные барыши. Но на большіе барыши охотниковъ много. Явятся другіе производители полотна; они также вывезутъ его на рынокъ. Тогда цѣна его опять упадетъ, и т. д.

Вотъ эти-то самыя *колебанія цѣны* полотна и приводятъ къ тому, что если мы возьмемъ не одинъ годъ и не одинъ случай, а много лѣтъ и много случаевъ продажи полотна на рынкѣ, то увидимъ, что *стоимость его опредѣляется количествомъ труда, необходимаго на его производство.*

Тоже самое можно сказать обо всякомъ другомъ продуктѣ.

Слѣдуетъ только помнить, что подъ количествомъ труда, необходимаго на производство какого нибудь продукта, нельзя понимать трудъ рабочаго одного какого нибудь ремесла. Такъ, напримѣръ, въ замкѣ заключается трудъ не только слесаря, но также и рудокопа, добывающаго желѣзную руду, рабочихъ, занимающихся выплавкой руды, изготовленіемъ полосоваго желѣза, перевозкой, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Всѣ эти рабочіе способствовали приготовленію, если не самаго замка, то *матерьяла* для него. А потому трудъ всѣхъ этихъ рабчихъ долженъ идти въ разсчетъ при опредѣленіи *стоимости* замка.

Точно также, когда мы сравнивали трудъ швеи, не имѣющей такой машины, то для полноты нужно было упомянуть еще вотъ о чемъ.

Сама швейная машина приготовлена *трудомъ рабочихъ*. Поэтому она также имѣетъ стоимость. Стоимость эта уменьшается отъ употребленія машины: *подержанная машина* всегда дешевле новой. Но та стоимость, которая утрачена швейной машиной, переносится на сшитыя, съ ея помощію, вещи. И это понятно. Въ рубашкѣ, сшитой на машинѣ, заключается, между прочимъ, трудъ рабочихъ, сдѣлавшихъ машину. Значитъ, если говорить совсѣмъ точно, то шесть часовъ

труда швеи, работающей безъ машины, не будетъ равняться, — какъ мы сказали — 2 часамъ *необходимаго труда*. Работая безъ машины, она не переноситъ на сшитую ею рубашку той стоимости, которую теряетъ эта машина отъ употребленія. Поэтому, хотя она шьетъ втрое медленнѣе, чѣмъ шила бы на машинѣ, но шесть часовъ ея труда будутъ равняться уже не двумъ, а — скажемъ — 2 съ четвертью или двумъ съ половиною часамъ *необходимаго труда*. Само собою разумѣется, что эта маленькая разница не улучшитъ ея бѣдственнаго положенія, происходящаго отъ введенія машинъ.

Г. П.

№ 4.

Къ протоколу обыска

17 Іюня 1896 г.